

թյունը՝ թեմայով: Սիմպոզիումի աշխատանքներին մասնակցող գիտնականները ընդգծեցին, որ լենինիզմն է կողմնորոշում այսօրվա դարաշրջանի զարգացման հիմնական տեղեկները: «Բոլոր երկրների պատմաբանները պետք է շնորհակալ լինեն սովետական գիտնականներին՝ ինչիսի աշխատությունները պատրաստելու և հրատարակելու համար», — իր ճառում հայտարարեց ավստրիացի պրոֆեսոր Գ. Շտեյնբրը:

Հաջողությամբ էր ընթանում երկրորդ համաշխարհային պատերազմի պատմության միջազգային կոմիտեի աշխատանքը, որը քննարկեց «Աշխատավորության զանգվածները երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ընթացքում» թեման: Հակառակ պատմական փաստերին, ԱՄՆ-ի, Անգլիայի և ԳՖՀ-ի որոշ պատմաբաններ և հրապարակախոսներ ձգտում են նսեմացնել սովետական ժողովրդի վճռակոն դերը, արժեքազրկել նրա հերոսական պայքարը երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ժամանակ: Սովետական պրոֆեսոր Պ. Ժիլինի և մյուսների ելույթները ցույց տվեցին, որ ռազմական պատմության սովետական գիտությունը Արևմուտքի պատմաբանների հակադիտական հորինվածքներին հակադրում է պատմական պրոցեսների վերլուծության գիտական ճիշտ տեսակետներ:

Հետաքրքիր բանավեճ ծավալվեց սլավոնական հետազոտությունների միջազգային ա-

սոցիալիստիկ, ուր քննարկվեց «Քաղաքը և նրա դերը ազգային ինքնագիտակցության զարգացման գործում» թեման: Սովետական գիտնականներ և, Փրուսիական, Յու. Կլեմանը, Պ. Որինձյունսկին և Ա. Կորոչկինը հանդես եկան մի միասնական զեկուցումով («XV—XIX դարերի Ռուսաստանի քաղաքները և նրանց նշանակությունը ազգային ինքնագիտակցության զարգացման մեջ»), որի մեջ բացահայտեցին քաղաքի դերը որևէ ժողովրդի ազգային ինքնագիտակցության ձևավորման գործում:

Կոնգրեսի եզրափակիչ պլենար նիստը ավարտվեց սովետական գիտնական Վ. Լազարևի «Միջնադարյան Ռուսաստանի արվեստը և Արևմուտքը» զեկուցումով: Այս նիստում նախազանգում էր պատմական գիտությունների միջազգային կոմիտեի նոր պրեզիդենտ, սովետական անվանի գիտնական, ակադեմիկոս Ա. Գուբերը: Նա անհրաժեշտ էր շարադրեց կոնգրեսի գիտական աշխատանքների արդյունքները, նշելով, որ մոսկովյան կոնգրեսի զլխավոր առանձնահատկություններից մեկն այն էր, որ ավելի ու ավելի մեծ թվով հետազոտողներ տարբեր խղճիները ուսումնասիրությանը մոտենում են մատերիալիստական դիրքերից և որ կոնգրեսը ողբեց տարբեր երկրների պատմաբանների համագործակցության ընդլայնմանը:

ժ. ԱՆՆՅԱՆ

АРМЯНСКАЯ ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ПРУТО-ДНЕСТРОВЬЯ В XIV в.

В результате археологических раскопок в с. Костешты (Котовский р-н Молдавской ССР) были обнаружены остатки полуземлянки, представляющей собой неправиль-

лется от 1 м до 60—65 см, что обусловливается наклоном местности расположения полуземлянки. В ее средней части находились две пары стоек, образовавшие в плане неправильный прямоугольник. Вдоль стен полуземлянки в толще земли сохранились пазы, в которых устанавливались стойки (расстояние между ними от 1,40 до 2,80 м). Примечательно, что восточная сторона полуземлянки, очевидно входная, имела две свободно стоящих стойки, основанием которых служили сохранившиеся почти плоские известняковые камни неправильной формы и неодинаковых размеров. Камни были врыты в землю таким образом, что их поверхность находилась на уровне с поверхностью пола. На восточной стене полуземлянки можно было видеть остатки деревянной обшивки. На поверхности пола полуземлянки сохранились остатки сгоревшего и рухнувшего на пол деревянного покрытия полуземлянки, а вдоль ее стен в упомянутых пазах—остатки обуглившихся стоек.

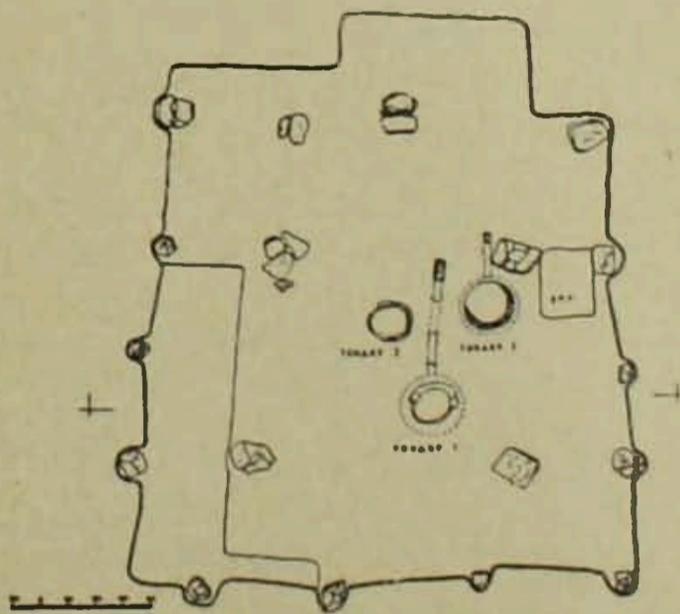

Рис. 1. План полуземлянки.

ный в плане прямоугольник (8×7 м), ориентированный длинной осью восток-запад (рис. 1). Глубина полуземлянки колеб-

Сохранившиеся почти в средней части землянки остатки трех тондиров различного диаметра и глубины с керамическими трубами, а также предметы гончарного производства свидетельствуют о том, что полуземлянка служила мастерской для изготовления керамической посуды.

В мастерской найдена глина, заготовленная для работы, необожженные и обожженные полуфабрикаты, брак и бой керамических изделий, целые экземпляры обожженных глиняных предметов, производившихся здесь. В полу мастерской была вырыта яма, куда сваливали текущий брак обжига керамики.

Деревянное покрытие среднего прямоугольника мастерской, надо полагать, было шатровое. Световое отверстие в средней его части предназначалось также для удаления дыма от обжига посуды в тондирах.

Прототип подобного решения покрытия можно найти в глубокой древности. Образцы жилища с подобным деревянным шатровым покрытием сохранились до наших дней в народном жилище Закавказья¹ и далеко за его пределами².

Согласно нашей реконструкции покрытие мастерской решалось следующим образом: по стойкам периметра полуземлянки и среднего прямоугольника укладывались бревна-обвязки. Затем по ним укладывались другие, связывающие в жесткую конструкцию крайние пролеты и шаги стоек полуземлянки. Для образования светового отверстия в средней части шатрового покрытия по стойкам среднего прямоугольника полуземлянки устраивался еще один ряд бревен, длина которых соответствовала длине бревен, опирающихся непосредственно на предполагаемые деревянные капители стоек среднего прямоуголь-

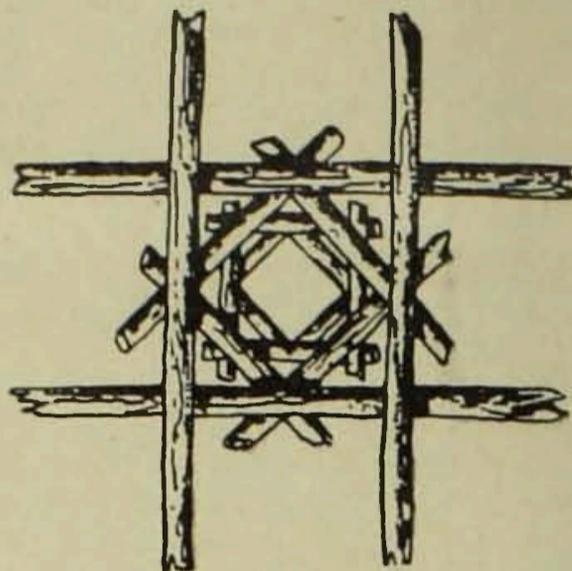

Рис. 2. План чередования бревен покрытия.

ника. Затем по углам образованного таким образом второго прямоугольника укладывались бревна-коротыши и далее по ним снова еще один ряд бревен, длина которых на этот раз бывала меньше бревен первого и второго рядов. Концы бревен опирались на эти коротыши. Таким образом, образовалось отверстие с меньшими сторонами, чем у основного прямоугольника стоек в средней части полуземлянки. По этому же способу устраивались и остальные ряды бревен и коротышей до тех пор, пока не было достигнуто необходимое сечение светового отверстия шатрового деревянного покрытия полуземлянки (рис. 2)³. Для образования наклона крыши по бревнам пролета и шагов между стойками полуземлянки укладывались горбыли, по всей поверхности которых засыпалась земля. Ограждение полуземлянки от холода и ветров, надо полагать, было обеспечено за счет крепления вплотную к выступающим от уровня земли стойкам горбылей. Очевидно, между стойками, расположенными на расстоянии более чем 1—1,5 м, устраивались дополнительные стойки-промежутки. Плоскость, образованная наружной обшивкой горбылями, покрывалась глиняной обмазкой.

Поперечный разрез полуземлянки в Костештах приводится на рис. 3.

Полуземлянка—гончарная мастерская, реконструкция которой дается в настоя-

¹ См. С. Д. Лисициан, «Изв. Кавк. историко-археологического института», т. III—IV, Тифлис, 1925, 1926; М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946; В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян, Памятники армянского зодчества, 1951, стр. 67, рис. 63—64 и др.

² Р. Я. Агабабян, Композиция купольных сооружений Грузии и Армении, Ереван, 1950, стр. 18, рис. 3.

³ См. Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры. Сб. трудов, т. I, Ереван, 1942, стр. 90, рис. 36 (на арм. яз.).

щей статье, располагалась среди других мастерских на северной окраине города XIV в. Развалины этого города находятся близ нынешнего села Костешты Котовского района МССР. Город занимал обширную территорию (почти в 4 кв. км) в долине р. Ботна. В нем были развиты различные ремесла и среди них гончарное. В середине XIV в. гончарство оснащается развитой для своего времени техникой и

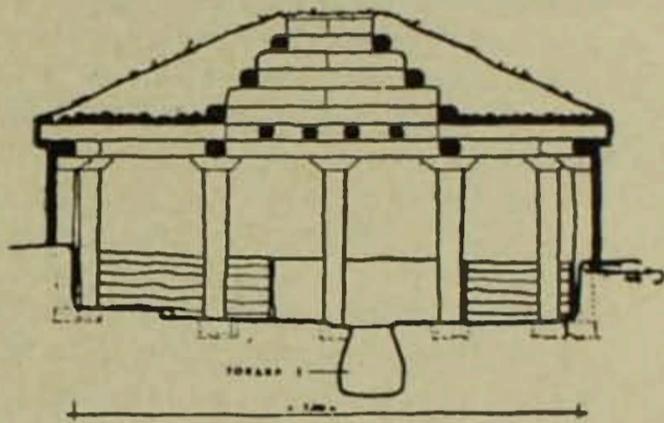

Рис. 3. Поперечный разрез полуземлянки.

сосредотачивается в отдельном районе на городской окраине⁴.

Интересующая нас мастерская, получившая индекс V,—самая крупная из всех раскопанных в гончарном районе древнего города. В отличие от других мастерских Костешт, служивших одновременно жилищем для гончаров, она была специальной гончарной мастерской, рассчитанной на производство массового спроса⁵.

Мастерская специализировалась на производстве столовой посуды (кувшинов, мисок, чашек и др.), а также различных глиняных осветительных приборов (каганцов, подсвечников, канделябров на несколько свечей).

Среди продукции мастерской V и других мастерских гончарного района Костешт значительное место занимают очень характерные миски, чашки, тарелки и другой формы посуды. Миски и чашки (они отличаются главным образом размерами) име-

ют сравнительно высокий кольцевой поддон, уплощенный, почти горизонтальный корпус, четко перегибающийся в высокий вертикальный бортик. Тарелки отличались от мисок и чашек отсутствием вертикального бортика; край их корпуса просто отогнут горизонтально. Эта посуда украшалась орнаментом граффито, красками и поливой разных цветов.

Заметно отличаясь формой, орнаментальными мотивами, композицией и в известной степени техникой декора от византийской поливной посуды того времени, подобная керамика в XIII—XIV вв. была распространена в Крыму, Закавказье, на Ближнем Востоке, Северном Кавказе и Поволжье⁶.

Кроме города на месте Костешт в Пруто-Днестровье эта керамика производилась еще в двух городах того времени: в Монкастро-Белгороде (совр. Белгород-Днестровский), крупном ремесленном и торговом центре в устье Днестра и Новом городе у с. Требужены Оргеевского района МССР (Старый Орхей). По своему облику поливная керамика всех этих трех пунктов Пруто-Днестровья первой половины XIV в. отличается несущественными деталями⁷.

В производственных комплексах всех трех пунктов городского гончарства имелись характерные для многих стран Ближнего и Среднего Востока одноярусные печи—тондиры, обычно служившие для выпечки хлеба. Но здесь употреблявшиеся, очевидно, в производственных целях, для

⁶ См. А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, МИА, М.—Л., 1950, № 17, стр. 112; З. Мансурадзе, Грузинская художественная керамика XI—XIII вв., Тбилиси, 1954, табл. 27; К. Кафадарян, Двин и его раскопки, I, Ереван, табл. 40, стр. 276, рис. 191; V. Poulsen, Les poteries, Napa, Loulles et recherches, 1931—1938, IV (2), Copenhagen, 1957, стр. 240; А. Л. Якобсон, там же, рис. 801—5; Н. М. Булатов, К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах, «Вестник МГУ, история», 1969, № 2.

⁷ Л. Л. Полевой, Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV века у с. Костешты, МИАЭ, МССР, Кишинев, 1964, стр. 179—181.

⁴ См. Л. Л. Полевой, Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке, Кишинев, 1969.

⁵ См. Л. Л. Полевой, Гончарная мастерская XIV в. из поселения Костешты, «Изв. АН МССР», 1965, № 12.

обжига керамики и в особенности поливы⁸.

Но каким образом характерные для Востока поливная посуда с орнаментом граффито и тондиры появились в Белгороде, Костештах и Новом городе в первой половине XIV в.? На наш взгляд, соорудившими эту мастерскую и тондиры мастерами, а также теми, кто привнес традиции производства поливной керамики с орнаментом граффито в Пруто-Днестровье, могли быть в основном армяне.

Широкая эмиграция армян в страны Северного и Западного Причерноморья в средние века является общезвестным фактом. Известно также о переселении значительных масс армян в Молдавию, главным образом в ее северную часть, через Подолию, с конца XIV века⁹. Другой, южный путь переселения армян в Молдавию менее изучен.

Появление армян в южной части Пруто-Днестровского междуречья следует связать с переселением их из Крыма, Азии и Малой (Киликийской) Армении. Армянские купцы издавна посещали эти земли. В XIII в. армянские купцы играли большую роль в черноморской торговле, установив деловые связи Поднестровья и Крыма с Киликией. Одним из свидетельств этого служат монеты Киликийской Армении XIII в., найденные в Белгороде-Дне-

⁸ В печати уже приводилась развернутая аргументация в пользу того, что тондиры также употреблялись как гончарные горны. Имеется свидетельство этнографов об ожиге в армянских селах глиняной посуды в тондирах. См. X. Асмаров, Село Арагва, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XI, Тифлис, 1891, стр. 196—199; А. Микаладзе, Дилинское общество, там же, стр. 192; С. Д. Лисицян, Очерки этнографии дореволюционной Армении, «Кавказский этнографический сборник», М., 1955, стр. 194; Л. Л. Полевой, Городское гончарство Пруто-Днестровья XIV в., Кишинев, 1969, стр. 92—95.

⁹ См. В. К. Восканян, Древняя Русь и Украина в судьбах армян, сб. «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961, стр. 64—74; Н. А. Мохов, Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1964, стр. 130.

стровском¹⁰. Во второй половине XIII—первой половине XIV вв., после захвата Багдада татаро-монголами, а сирийских портов—египетскими мамелюками, Киликийская Армения приобретает особое значение в торговле Востока с Западом, Передней Азии с Северным Причерноморьем¹¹. Естественно, в этой торговле Белгород, лежавший на одном из основных путей, связывавших в то время Европу с Ближним Востоком, приобретает особое значение для купечества. В XIII—XIV вв. здесь образуется целая армянская колония¹².

Армяне в средние века играли большую роль в экономике стран Причерноморья, оказав длительное и глубокое влияние на их культуру, в том числе Молдавии. Ограничиваясь задачами настоящей статьи, сошлемся на мнение А. Л. Якобсона, который, отмечая тесное культурное родство крымской художественной керамики с закавказской, считает, что носителями этого искусства могли быть как армянские эмигранты, так и купечество¹³. Вероятно, в основном армянские эмигранты и купечество из Крыма, непосредственно Закавказья и Малой Азии были проводниками влияния художественной культуры Ближнего Востока в Пруто-Днестровском междуречье XIII—XIV вв. Более того, появление в глубинных районах междуречья сооружений, построенных в традициях закавказского каменного¹⁴ и

¹⁰ См. G. A. V a k l a n, Trei monete ale regilor armeni gasite la Cetatea-Albă (Akkerman), BSNR, № 49—50, Buc., 1924.

¹¹ См. Г. Т. Микаэлян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 201—202.

¹² См. G. Y. B r a t t i a n u, Contributions a l'histoire de Cetatea-Alba (Akkerman) aux XIII-e et XIV-e siècles. BSH, t. XIII, Buc., 1927, стр. 26.

¹³ См. А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, стр. 226.

¹⁴ Наиболее ярким примером строительства в традициях армянского зодчества является каменная баня первой половины XIV в. из упомянутого выше Нового города (Старый Орхей). Своим планом эта баня чрезвычайно близка к так назы-

деревянного зодчества, вместе с распространением тондиров и поливной керами-

ваемой Белой и Красной палатам—баням XIV в. из г. Булгары на Волге, по мнению исследователя, армянского происхождения. (См. А. П. Смирнов, Волжские Булгары, М., 1951, стр. 210—228).

ки с орнаментом граффито крымско-кавказского круга, на наш взгляд, свидетельствует о поселении армянских ремесленников в городах глубинных районов Пруто-Днестровья уже в первой половине XIV века, т. е. раньше, чем в иных районах Молдавии.

Л. ПОЛЕВОЙ, А. ТОРАМАНЯН (Кишинев)